

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПЕРЕВОДЕ ПИАР-ДИСКУРСА В РОМАНЕ К. БАКЛИ «ДЕНЬ БУМЕРАНГА»

М. В. Оберюхтина

Ключевые слова: пиар, концепт, когнитивные стратегии, перевод, роман.

Keywords: PR, concept, cognitive strategies, translation, novel.

DOI 10.14258/filichel(2022)3–12

Перевод с одного языка на другой является одной из сложнейших когнитивных операций. Как свидетельствуют новейшие исследования в данной области, перевод рассматривается как «трансфер знаний» [Демьянков, 2018] сквозь культурное и мультикультурное пространство. К переводу применяются такие методы и приемы, выделяемые среди когнитивных исследований языка, как прием доминантного значения, метод концептуального анализа и когнитивно-матричного анализа [Бабина, Дзюба, 2013; Беседина, 2006; Попельшева, Пузаков, 2010]. Термин «когнитивная матрица» заимствован из трудов Н. Н. Болдырева и понимается как «система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта... Когнитивная матрица объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений». Иными словами, в рамках предполагаемой когнитивной матрицы выделяются когнитивные контексты и характеристики исследуемых объектов, которые помогают определить их сущность, прагматическое наполнение их наименований в конкретных исследуемых текстах [Болдырев, 2009, с. 47]. Концептуальный анализ, в свою очередь, предполагает выделение концептов, значимых для данного текста или дискурса, и исследование их составляющих, значения их для содержания и авторского замысла данного текста [Вежбицкая, 1997]. Таким образом, представляется возможным анализировать переводы художественных текстов с точки зрения когнитивной лингвистики.

В данной статье объектом исследования являются выдержки из лозунгов пиар-специалистов и речей, написанных ими, в оригинале и переводе романа Кристофера Бакли «День бумеранга». Цель данного исследования заключается в определении предполагаемых методов, приме-

нимых к переводу, которыми мог пользоваться переводчик данного произведения, и целей их применения в контексте данного романа, их соответствия содержанию-намерению рассматриваемого произведения. Соответственно, предметом настоящего исследования становятся когнитивные стратегии перевода и средства художественной выразительности, используемые в исследуемых отрывках на языках оригинала и перевода. Любопытно проследить, как применяемые когнитивные стратегии позволяют переводу и оригиналу находиться в одном концептуальном пространстве. На протяжении всего романа обсуждается противостояние поколения бумеров и следующего за ним молодого поколения и противопоставляются их характеристики. Автор строит повествование вокруг когнитивных контекстов «бумеры / старшее поколение, старость» и «молодое поколение, молодость» и соответствующих концептов, освещая то позитивные, то негативные стороны характеров разных поколений и соответствующие им когнитивные составляющие их образов.

В первую очередь стоит обратить внимание на само название романа: это слово, придуманное героиней пиар-специалистом в качестве заголовка для своего блога. Оно, как видно, является результатом и источником игры слов и может исследоваться с помощью методов когнитивной лингвистики. *Boomsday* — словослияние, обязанное своим появлением слиянию слов *boom* («резкий подъем») и *Doomsday* («день страшного суда»). Отдельно отметим, что данное слово является концептуально значимым прецедентным феноменом, поскольку употреблялось в Англии как своеобразный дисфемизм для обозначения периода завоевания Англии нормандскими войсками под предводительством Вильгельма Завоевателя (ср. название поземельной переписи 1086 г. — «*Domesday book*»). При этом прежде всего название романа отсылает читателя к слову, обозначающему поколение «бумеров»: так, согласно теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува, называются люди, родившиеся в первые десятилетия после II Мировой войны. Бумерами их называют по той причине, что в послевоенные годы произошел буквально взрыв роста рождаемости. Таким образом, на русский язык название романа можно было бы примерно перевести как «Страшный суд для бумеров» или «Страсти бумеровы». В период, описываемый в романе, бумеры достигли пенсионного возраста, и молодежь должна содержать их, выплачивая непомерно высокие налоги. А главная героиня, Кассандра Девайн, согласно сюжету, собирается вершить «страшный суд», призывая население ее возраста не платить налоги на содержание поколения бумеров.

В русском переводе Л. Мотылева название романа звучит как «День бумеранга». Можно предположить, что для обеспечения концептуально-

го единства перевода и оригинала произведения использовался принцип когнитивной доминанты — для ее обнаружения выделяется комплекс доминантных смыслов, реализованных в художественном тексте, одним из которых является «взрыв» новых идей, подъем общественного движения. (Можно также сказать, что в переводе тоже фигурирует сема «возмездие, воздаяние», ведь бумеранг всегда, как считается, возвращается к своему хозяину, причем это может произойти и в виде неожиданного удара). В русский язык слово «бум» в значении «сенсация, шумиха, искусственное оживление» вошло впервые именно через заимствование из английского языка в словосочетании «бэби-бум» и далее сохранилось в таких значениях. Общая идея со словом «бумеранг», пришедшим в русский язык также из английского, состоит в том, что совершается некое быстрое неожиданное движение, резкий подъем. Кроме того, идея романа связана с тем, чтобы дать некий отпор, неожиданный ответ на несправедливые действия правительства, — главная героиня Кассандра, выступая от имени своего поколения, собирается в своем блоге воодушевлять людей препятствовать повышению налогов, идущих на содержание бумеров. Таким образом, становится возможным объединить слова «бум», «бумеранг», «бумер» на основе доминантного значения лексических единиц и использовать слово «бумеранг» в дальнейшем в тексте романа для обозначения ответных мер молодого поколения, хотя название на русском языке и не отсылает напрямую к библейскому концепту «День страшного суда».

Далее определенный интерес представляет название блога, который ведет главная героиня (а для своего блога она и Заглавная героиня). Акроним, произведенный из ее имени, CASSANDRA, расшифровывается так: «*Concerned Americans for social security amendment NOW: debt, reduction and accountability*» («Неравнодушные американцы за поправки к законам о соцобеспечении СЕЙЧАС: госдолг и ответственность власти») (Ch. Buckley, 2007, p. 7). В русском переводе: «КАССАНДРА — Каждому американцу — социальную справедливость. Нет — долговой разнуданности администрации» (К. Бакли, 2008, с. 20). Использование акронимов само по себе является художественным приемом, основанным на когнитивной психологии, — как и маркированные неким образом списки, оно привлекает внимание читателя к каждому пункту обозначенной им повестки по отдельности и к той идее, которая эти пункты объединяет. В целом смысл и цель лозунга сохраняются на русском языке. Однако следует обратить внимание на то, что в русском переводе в данном случае, согласно анализу значения упомянутого лозунга, часть смысла, связанная с его эмоционально-оценочным компонентом, теряется. Это

объясняется тем, что в английском оригинале названия отсутствуют такие слова с ингерентной отрицательной коннотацией, как «разнузданность» и слово «нет» (правда, присутствует слово «debt», имеющее пейоративные коннотации), а значит, резко отрицательная оценка существующей политики подразумевается. Напротив, особенное внимание уделяется таким словам с ингерентно положительными компонентами значения, как *amendment* и *accountability*. Вследствие этого лозунг на русском языке создает впечатление более агрессивной агитации.

Если также обратить внимание на прямую речь героев романа, а именно на тексты выступлений, которые пишут пиар-советники Кассандра и Терри для сенатора Рэнди Джепперсона, можно обосновать неточный перевод некими когнитивными стратегиями. Во время обыкновенных для сената прений и дебатов Р. Джепперсона обвиняют в оппортунизме: «*Senator, one of your colleagues, Senator Meltinghausen, says you're a, quote, "craven opportunist"*». На что он, не колеблясь, отвечает, вероятно, заранее заготовленной и отрепетированной фразой: «*I don't know about craven. Certainly I crave justice. And if by "opportunist" my very good friend from the great state of Virginia means that I believe in seizing every opportunity to repair our broken government, then yes, put me down as an opportunist*» (Ch. Buckley, 2007, p. 83). В переводе Л. Мотылева видим, что эта пикировка превращается в следующий диалог с игрой слов: «Сенатор! Один ваш коллега, сенатор Мелтингхаузен, называет вас, цитирую, прожженным оппортунистом» — «Не знаю, насколько я прожжен... Но что я горю — это правда. Я горю желанием добиться справедливости. Что касается оппортунизма... По-латыни *opportunitas* означает „возможность“. Если мой хороший друг из славного штата Виргиния имеет в виду, что я стремлюсь использовать любую возможность для ремонта нашего бракованного правительства, то да, я оппортунист» (К. Бакли, 2008, с. 160).

Как в оригинале, так и в переводе герой разбирает данную ему нелицезнующую характеристику на смысловые блоки — *craven* и *opportunist*, чтобы обелить себя перед коллегами и избирателями. В русском языке «оппортунист» и «возможность», как и слова из пары «трусливый» и «жаждать», не связаны этимологически. Поэтому переводчик здесь элегантно выходит из положения, ввернув в речь обвиняемого сенатора латинские выражения, что характеризует последнего как высокообразованного человека. Тем самым обосновывается связь лексем «возможность» и «оппортунист», на которых в оригинале построена игра слов — безусловно, более впечатляющий прием с применением омонимов (*craven* — «трусливый» происходит от *cravant* — «напуганный, по-

бежденный», в то время как глагол *crave* «жаждать» — от *crăian* «умолять, требовать»). При анализе структуры значения словосочетаний в данном отрывке романа становится понятно, что компоненты со значением *craven* и *crave* подменяются другой парой слов в русском языке — «прожженный» и «гореть», которые гораздо более близки по значению, что придает переводу еще большую ценность в глазах русскоязычной аудитории. Вспомним, что основные элементы матрицы «конфликт поколений» в данном романе — «старое поколение» и «новое, молодое поколение», а также их характеристики и ассоциированные с ними понятия. Формирование переводческого решения происходит за счет когнитивно-матричного анализа при обращении к когнитивным контекстам слов «огонь» и «возможность» из когнитивной матрицы «миллениалов / молодого поколения». Происходит актуализация таких характеристик, свойственных, по мнению многих, молодому поколению, как «горячность», «порывистость, поспешность», «стремление к приобретению благ». Сначала эти характеристики упоминаются с отрицательным подтекстом, с негативной оценкой, когда о них говорят бумеры, а затем — в положительном контексте, с положительной коннотацией, когда Джепперсон, старающийся показать себя как человека нового поколения, отвечает в ходе дебатов, что оппортунизм и горячность характеризуют его положительно.

В другом лозунге «*Not suicide. Voluntary transitioning*» (Ch. Buckley, 2007, p. 93) Л. Мотылев переводит *transitioning* как «восхождение» (К. Бакли, 2008, с. 177). Полное название политической стратегии, таким образом, передано как «*Не суицид. Добровольное восхождение*», а не как «переход», чего следовало бы ожидать от более буквального перевода. Принципы когнитивной лингвистики позволяют объяснить данное переводческое решение следующим образом. Переводчик здесь, вероятно, модифицирует характеристику или структуру знания, выстроенную автором высказывания, превращая просто «переход» в другой мир в «восхождение». Однако в таком виде название данной стратегии лучше вписывается в общую когнитивную парадигму контекста произведения, т. к. данное название предлагаемой политиком стратегии должно мотивировать людей выполнять условия программы под названием «*Voluntary transitioning*», а «восхождение» еще больше, чем «переход», ассоциируется с позитивным, положительным переходом и к тому же является концептуально маркированным (имеются в виду отсылки к восхождению в библейском контексте). Моделируя общую когнитивную матрицу, вокруг которой строится роман — противостояние бумеров и миллениалов, «мудрой старости» и «бурной молодости», — автор устами персо-

нажей, пиар-специалистов Кассандры и ее шефа Терри актуализирует в призыве к «бумерам» такие типичные для глобального когнитивного поля «молодость» характеристики, как «движение вперед, вверх», призывая их уподобиться молодым и сравниться с ними. С другой стороны, использование переводчиком и, следовательно, пиар-специалистами в лозунге пиар-кампании концептуального поля «библейских сюжетов» с их элементами «вознесение на небо», «мудрость», приравнивание людей к библейским персонажам импонирует бумерам. Как мы видим в продолжении романа, такой расчет на когнитивно-речевое «омоложение» бумеров оправдывает себя: очень многие из них заинтересовались идеей «добровольного восхождения».

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что выявленные и систематизированные в начале XXI в. новые методы когнитивной лингвистики, в особенности принципы концептуального анализа, анализа доминантного значения и когнитивно-матричного анализа, могут применяться для того, чтобы возможно было обосновать стратегии, используемые переводчиками художественной литературы. Иными словами, можно отметить также, что авторы переводов сознательно или спонтанно применяют данные стратегии для перевода ключевых эпизодов художественных произведений, чтобы сохранить юмор и яркость языка оригинала.

Библиографический список

Бабина Л. В., Дзюба К. А. Когнитивно-матричный анализ при изучении наименований торговых марок (на примере парфюмерных торговых марок) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 5 (25).

Беседина Н. А. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка. Белгород, 2006.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. Е. С. Кубрякова. М. ; Тамбов, 2009.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М., 1997.

Демьянков В. З. Трансфер знания и перевод // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. 2018. № 2.

Попельшева Е. В., Пузаков А. В. Сущность понятия «доминанта перевода» // Гермес. Саранск, 2010. № 2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бабли К. День бумеранга. Пер. с английского яз. Л. Мотылева. М. : Иностранка, 2008.

Buckley Ch. Boomsday. New York : Hachette Group, 2007.

References

Babina L. V., Dzyuba K. A. *Kognitivno-matrichnyy analiz pri izuchenii naimenovaniy togovykh marok (na primere parfyumernykh togovykh marok)*. [Researching trademark, namely, perfume trademarks by means of cognitive matrix analysis]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2013. No. (25).

Besedina N. A. *Metod kontseptual'no-reprezentativnogo analiza v kognitivnykh issledovaniyakh yazyka*. [The method of conceptual-representative analysis in cognitive linguistics]. Belgorod, 2006.

Boldyrev N. N. *Kontseptual'naya osnova yazyka*. [The conceptual basis of a language]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Kontseptualizatsiya mira v yazyke*. [Cognitive studies of language. Conceptualization of the world in language]. Issue IV. Moscow; Tambov, 2009.

Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye*. [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1997.

Dem'yankov V. Z. *Transfer znaniya i perevod*. [Knowledge Transfer and translation]. In: *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya*. [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow, 2018. No. 2.

Popelysheva Ye. V., Puzakov A. V. *Sushchnost' ponyatiya "dominanta perevoda"*. [The essence of the concept "a dominant element in translation"]. In: *Germes*. [Germes]. Saransk, 2010. No. 2.

List of sources

Buckley Ch. *Den' bumeranga*. [Boomsday]. Translated by L. Motylev. Moscow: Inostranka, 2008.

Buckley Ch. Boomsday. New York: Hachette Group, 2007.